

Л. ПАЛМАЙТИС

**ПРУССКОЕ *deiwas*: САНСКРИТСКОЕ *devásya*,
ЛИТОВСКОЕ *diėvojis* И РУССКОЕ *евонный*
(МИФИЧЕСКИЙ ФОРМАНТ ГЕНИТИВА *-sjo И
ОТГЕНИТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ)**

Идея того, что индоевропейские сигматические окончания номинатива и генитива восходят к форманту эргатива *-s, не нова. Работы Вяч. Вс. Иванова, однако, убедительно показали связь этого форманта с указательным местоимением *so в роли энклитического артикля¹. Вслед за Г. А. Климовым мы не считаем строй праиндоевропейского эргативным, поскольку основная доминанта эргативного строя — противопоставление транзитивности интранзитивности — в индоевропейском вторична и праиндоевропейский характеризовался последовательно выдержанным на всех языковых уровнях противопоставлением активного (фиентивного) и инактивного (инертного) начал, делением всей лексики, глагольной и именной, на фиентивную и инертную². Такой языковый строй следует называть фиентивным („активным“).

В последнее время, исходя из теории индоевропейского силлабизма³, автор данной статьи высказывал мысль о происхождении индоевропейского тематического гласного из вокализованного в сандхи при присоединении будущих флективных формантов варианта исхода консонантной основы, причем невокализованному варианту исхода должен был отвечать вокализованный вариант форманта: *tiēw + *sa = *tiēwsa (гр. *Ζεύς*): *tiwá + *sa = *tiwás (гр. *Διός*)⁴. Следы древнейшей вокализации сигматического

¹ Иванов Вяч. Вс. *Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы*. — М., 1965, с. 237.

² Климов Г. А. *Типология языков активного строя*. — М., 1977, с. 4.

³ Lehmann W. P. *Proto-Indo-European Phonology*. — Austin, 1952, p. 112.

⁴ Палмайтис Л. *Картвельские архаизмы и индоевропейская реконструкция*. — Тр. Тбилисского ун-та, 1979, т. 202; индоевропейский вокализм реконструируется согласно Pulleyblank E. G. *The Indo-European Vowel System and the Qualitative Ablaut*. — *Word*, 1965, No 21, p. 91—92. *Консонантизм — согласно*: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных*. — В кн.: *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. М., 1972. Указанное предположение уже принимается повсеместно, ср. статьи: А. Р. Бомхарда в *Orbis* (1975, Vol. 24); Ф. Кортландта в *Baltistica* (1977, 13), Р. Нормира в *KZ* (1977, Vol. 91).

форманта сохранены в жемайтском „эмфатическом“ *-ə* (ср. имя собств. ном. *Viėļosə*), а также в тайном жаргоне, когда в каждый слог слова вставляется дополнительный слог *Vp*, где *V* — гласный, соответствующий гласному слога, в котором происходит вставка. В случае сигматического окончания последний гласный обнаруживает древнейшую огласовку этого окончания *a* — ср. жарг. *sùpi làpa šepėnėpė's* от *sù làšėnė's* „с салом“ и *apàvėpėnsapra* от *àvėns* „баран“, *rapàtapasapa* от *ràts* „колесо“, причем в последнем случае восстановлен и предшествующий сигматическому форманту тематический гласный, выпадение которого относится к дописьменной эпохе. Тайный жаргон позволяет восстановить формы жем. **àvėnsa*, **ràtasa*. На древность этого явления можно положиться ввиду распространенности в быту таких окаменевших форм из этого жаргона, как ругательства *šepėtūons* от слова *šetūons* „сатана“, *žàbaltī's* от слова *žáltī's* „змея“ („уж“).

На основании анализа пар типа гр. *τομός* „режущий“: *τόμος* „отрезанный“ нами высказано предположение о развитии в эпоху до присоединения сигматического форманта первичного маркера фиентивного падежа путем интонационного выделения конечной силлабемы корнеслова. Это выделение повело к расщеплению конечной силлабемы на аллофоны, фонологизовавшиеся в оппозицию первых гласных фонем **/ə/*: **/a/*. Таково происхождение индоевропейской качественной апофонии, с самого своего возникновения имевшей морфологическую функцию, поскольку конечный ударный **-a* являлся маркером фиентивного падежа⁵.

На всех этапах развития фиентивного строя исход основы **-a* (-) (традиц. *-o-*) мог появиться только в фиентивных формах. В процессе номинативизации первичной структуры прежний фиентивный падеж стал исполнять функцию номинатива и генитива. В то же время бывшая инерттивная форма стала употребляться в функции аккузатива (с присоединенным в случае фиентивных имен назальным формантом), номинатива и датива-локатива (без назального форманта). Будучи характерным исключительно для фиентивных форм, исход основы **-a* стал распространяться в номинативной системе на все падежи фиентивных имен. Так он приобрел морфологическую нагрузку, поскольку инертные имена характеризовались отсутствием этого **-a* во всех падежах, включая генитив. Последнее очевидно, поскольку при распаде фиентивной системы инертные имена получили возможность использовать для генитива сигматический формант фиентивных имен, сами при этом не имея **-a* в исходе основы — ср. ген. скр. *δυοῖν*, гр. *δεσ (πότῆς) ≤ *dem-s-*. Так первоначальное чередование *-Ca/-C* в исходе основы перед падежными

⁵ Палмайтис Л., Указ. соч.; ср. также с. 93 настоящего номера.

формантами сделало шаг в сторону морфологизации *-a-: ø (*-a- как грамматический признак противопоставлен нулю), которая завершилась компромиссом: в то время как нуль стал обобщаться на инертивную форму номинатива-аккузатива, исход основы *-ə инертивных форм, вытесняемый из аккузатива фиентивных имен тематическим *-a-, все еще оставался возможным в номинативно-аккузативной форме инертных имен, вследствие чего он оказался там и при исторически чуждом для инертных имен сигматическом форманте в случае генитивного падежа:

	фиентивные имена		инертные имена	
фиент./ген.	*t̥iwás,	*t̥əywás	ген.	*sáləs, *sals
фиент./ном.	*t̥iwás,	*t̥əywás		
инерт./акк.	*t̥əywəm → *t̥əywám		инерт./акк.	*sálə, *sal

Такая тематизация атематического генитива обусловила последующее „исправление“ этого окончания по образцу тематического генитива-номинатива на *-as, т.е. замену в нем *-ə- на *-a- в ряде языков и диалектов — ср. лит. *šunès*, лат. **pedes*, **sales* и лат. диал. *NOMINVS* < **nomenos*, гр. *φωτός*, *άλός* (с окситоническим ударением, как в фиентивных именах). Так сложилась историческая триада окончаний номинатива и генитива *-s, *-əs, *-as (традиц. *-s, *-es, *-os). Нет никаких оснований для консонантных основ реконструировать окончание номинатива (традиц.) *-es и затем предполагать последующую редукцию его гласного элемента⁶. Если бы такой элемент когда-либо и существовал в номинативе консонантных имен, то по своему происхождению он все равно был бы ничем иным, как конечной частью основы. Варьирование тематических гласных *a (традиц. *o) и *ə (традиц. *e) в окончаниях номинатива и генитива связано с позднейшей судьбой этих окончаний и никак не указывает на гипотетические первоначальные флексии (традиц.) *-es, *-os. Выяснение этой судьбы тождественно решению вопроса о происхождении тематических и атематических деклинационных моделей.

О том, что первоначально окончание тематического номинатива-генитива действительно было *-(a)s, свидетельствуют данные столь отдаленных друг от друга во временном и ареальном отношениях языков, как хеттский и прусский. Следует отметить чрезвычайную неустойчивость совпадения

⁶ Kuryłowicz J. *Études indoeuropéennes*. — Kraków, 1935, s. 92—93.

генитивной и номинативной форм, что, конечно, вполне естественно, учитывая номинативный характер исторических индоевропейских языков. За пределами хеттского и прусского такое совпадение нигде не сохранено, причем бросается в глаза отсутствие парадигматической формы генитива в других анатолийских языках, где она заменена формами относительного прилагательного. Естественно полагать, что при дальнейшем распаде фиентивного строя увеличивалась необходимость в формальной дифференциации падежей и совпадение форм генитива и номинатива устранялось либо с помощью различной акцентуации⁷, либо заменой генитивной формы отгенитивным прилагательным, образованным с помощью суффикса относительности **(i)ja-*. Этот суффикс следует считать по происхождению тождественным относительному местоимению **ja*, с его помощью образованы индоевропейские тематические имена на (традиц.) *-(i)jo*, напр., гр. *πάτριος* от *πατήρ*, скр. *ásviyas* от *ásvas* и т.п. Замена генитивной формы отгенитивным прилагательным подтверждается анатолийским материалом. Так, в лувийском и ликийском языках в функции генитива употребляется относительное прилагательное с суффиксом *-šši-*, *-šī-*. Мы предлагаем разлагать последний на сигматический маркер генитива, относящийся к падежной форме самого имени, и суффикс **-ja-*. В таком случае рассматриваемое относительное прилагательное оказывается отгенитивным образованием. Напр., *maššanaššiš* „божественный“ выводимо из ген. ном. **masanas + -ja +* падежные окончания в полном соответствии со старолитовским *diėvojis* „бога + (он-ы)й“ и подобно русскому *евоный, ейный, ихний*. Чистоотгенитивное склонение характерно для картвельских языков, например, для грузинского, когда определяющее имя в родительном падеже оказывается в положении после определяемого, например, *ze-s kacisa-s* „сын + у человека + ю“. Если на такой основе развились в индоевропейском заменители генитива, совпадавшего с номинативом, то совершенно ясно и происхождение форманта генитива единственного числа (традиц.) *o-*основ, традиционно восстанавливаемого в виде **-sjo*⁸. Первым, кто признал сложный характер этого форманта и разложил его на древнейшее сигматическое окончание генитива и частицу (традиц.) **jo*, был Вяч. Вс. Иванов, связавший последнюю с относительным местоимением *jo*⁹. Иванову, однако, не удалось пояс-

⁷ Такое предположение относительно прусских форм генитива и номинатива единственного числа *a-*основ высказывает V. Mažiulis (*Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai*. — V., 1970, p. 97).

⁸ Brugmann K., Delbrück B. *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. — Strassburg, 1909, Bd. 2, T. 2, S. 161.

⁹ Иванов Вяч. Вс. Указ. соч., с. 241; Его же. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959, с. 28.

нить наличия в формах типа сл. *česo* конечного *-o* (не **-jo*). Открытие Иванова применил к балтийскому материалу В. Мажюлис, объяснивший формы типа прус. ген *steffe* как состоящие из первичной формы генитива **tes* с присоединенной к ней энклитической частицей **e*, апофоничной сл. *o* в *česo*¹⁰. Рассмотрение всех этих образований в качестве отгенитивных проливает свет на природу конечного и.-е. **-ə/-a* (засвидетельствованных *-e/-o*). Получается, что в случаях, подобных ген. гр. *λύχοιο*, скр. *vřkasya*, имеем застывшую отгенитивную основу, которая в древнейший период своего существования склонялась подобно лув. *maššanaššiš* и в номинативе имела форму скр. **vřkasyas*. Как и в анатолийских языках, это было относительное прилагательное, употреблявшееся вместо генитива **vřkás* из-за совпадения последнего с формой номинатива. Такие прилагательные не были чисто отгенитивными в картвельском смысле, поскольку их основа не совпадала с формой генитива, а была вторично образована прибавлением к последней форманта **-ja*. Иную картину представляют образования типа прус. *steffe*, сл. *česo*. Если рассматривать упомянутые образования как застывшие чистые отгенитивные основы, то их склонение должно было бы заключаться в прибавлении падежных окончаний непосредственно к древней форме генитива, как в картвельском (необходимость таких образований вызывалась совпадением генитива и номинатива ввиду устранения первоначальной супплетивности этих местоимений — ср. прус. ном. *f-tas*, где *f-* отражает древний корень местоимения, контаминированный с корнем инертного падежа **t*). При этом прус. *-e*, сл. *-o* следует рассматривать в качестве обычного тематического гласного и.-е. **-ə/-a*, принадлежащего основе, а точнее (в исторической перспективе) — энклитическому артиклю **sa*, давшему сигматический формант фиентива → генитива-номинатива. Таким образом, конечные *-e*, *-o* в формах *steffe*, *česo* не являются никакими частицами и не могут быть сопоставлены с элементом *-ja* в скр. *vřkasya*.

Заслуживает внимания возможность образования с помощью местоименного форманта **ja* форм не только от генитива, но и от других падежей, напр., от локатива — старолит. *dangugis* „небесный“ от *danguj* „на небе“¹¹. Распространенность элемента *ya* в индоиранских падежных формах может быть следствием парадигматизации основ, образованных с помощью местоименного форманта **ja* от различных падежных форм и также некогда склоняв-

¹⁰ Mažiulis V. Указ. соч., с. 91—94.

¹¹ Ср. Rosinas A, Baltų kalbų parodomųjų įvardžių funkcijų ir reikšmių klausimu. — Baltistica, 1976, t. 12(2), p. 154; А. Росинас считает энклитическое местоимение **ja* не относительным, а указательным. Такой вывод, возможно, допустим лишь для балтийского ареала индоевропейских языков.

шихся — ср. скр. ген. *aśvāyās*, дат. *aśvāyai*, лок. *aśvāyām*, что напоминает балто-славянские формы местоименных прилагательных. В соответствии с этим термином можно назвать подобные формы формами „местоименных существительных“. К последним, очевидно, следует отнести индоевропейские **(i)ja* (H_2)-основы (напр., балт. *brālis* „брат“, **žemīā* „земля“, лат. *filius* „сын“, др.-в.-н. *sunte* „грех“ и т.п.)¹². Возможно, такие формы восходят к артиклевому образованию¹³.

**SANSKRIT *devāsya*, PRUSSIAN *deiwas*, LITHUANIAN *diėvojis*,
RUSSIAN *евоный* AND THE MYTHICAL GENITIVE FORMANT **-sjo***

Summary

To develop the ideas of V. Ivanov and V. Mažiulis, the author states that in course of the decaying of the prenominal IE structure, when the sigmatic nominative/fientive and genitive/fientive forms appeared to be identical, genitive was either differentiated from nominative by stress (so in Prussian and probably in Hittite) or was substituted e. g. by the degenitive adjective form (as in Aryan, Greek and many other languages) of the pattern *stem+gen.-s+relative formant* (= derivative suffix) **ya* (**jo*) + *case endings*. The latter is preserved in Anatolian forms of the Luvian *maššanaššiš* type. Here is the origin of the s. c. „genitive formant“ **-sjo*, since genitives of the type Skt. *devāsya*; Hom. *λόχοιο* etc. are fossilized stems which earlier were declined: nom. **devas-ya-s*, acc. **devas-ya-m* etc. Prussian *stefse*, Slavic *česo* genitives show the archaic vocalization *e/o* of the sigmatic formant.

**S. I. *devāsya*, PR. *deiwas*, LIE. *diėvojis*, R. *евоный*
IR MITINIS GENITYVO FORMANTAS **-sjo***

Reziumė

Tešiant V. Ivanovo ir V. Mažiulio mintį, keliamo nuomonė, kad ide. priešnominatyvinės sandaros irimo metu sutampant sigmatinėms nominatyvo/fientyvo bei genityvo/fientyvo formoms, genityvas arba tapo diferencijuojamas nuo nominatyvo kirčiu (prūsų kalba, galbūt — hetitų), arba buvo pakeistas, pvz., degenityvinė būdvardinė forma (arijų, graikų, daugelyje kitų kalbų): *kamienas+gen. -s+reliatyvinis formantas* (= darybinė priesaga) **ya* (**jo*) + *linksnų galūnės*. Šis reiškinys išlikęs luv. *maššanaššiš* tipo anatoliečių formose. Tokios kilmės bus vad. „genityvo formantas“ **-sjo*, nes s. i. *devāsya*, Hom. *λόχοιο* tipo genityvai rodo sustabarėjusį kamieną, kadaise linksniuojamą nom. **devas-ya-s*, acc. **devas-ya-m* tt. Pr. *stefse*, sl. *česo* genityvinės formos rodo archaiinę sigmatinio formanto vokalizaciją *e/o*.

¹² Интересные мысли по поводу образований с местоименным формантом **ja* см.: Gir-
denis A., Rosinas A. Some Remarks on the Vocalism and Morphology of Old Prussian. —
General Linguistics, 1977, Vol 17, No 1.

¹³ Ср. Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская..., ч. 4-я, гл. 1, § 5.